

Знатные люди Бурят-Монголии

А Р Т И С Т

346

Поезд шел на восток. В купе стучали костяшками домино, азартно забивая «козла». Седенький старичок расстелил на столе салфетку, достал из чемодана жареную курицу и ласково сказал:

— Давайте ужинать...

Ехали третьи сутки и, как всегда бывает в дороге, пассажиры познакомились и подружились. В купе подбралась молодежь — веселая и шумная. Старичка-учителя — Андрея Ивановича — пассажиры уважали за возраст и добрый нрав. Поэтому курица была съедена безропотно и с удовольствием.

— Спасибо, дорогой Андрей Иванович, — за всех поблагодарил старичка Николай Васильевич. Он протянул Андрею Ивановичу руку и в его монгольских глазах вспыхнул веселый огонек. — А чем же мы отплатим за гостеприимство?

Андрей Иванович рассмеялся:

— Теперь вы у меня в неоплатном долгу. Если хотите порадовать старика — спойте хорошую песню...

— Песню, — повторил Николай Васильевич и задумался. — Хорошо, я спою вам песню. Хорошую песню. Самую дорогую песню.

За окном была ночь — холодная и звездная. Веселыми брызгами искрился иней на заснеженном окне вагона. В купе стало тихо...

Николай Васильевич откинулся к стене и вполголоса начал песню. Он пел на бурят-монгольском языке и пассажиры не понимали слов, но песня была прекрасна. То лирическая и нежная, то широкая, как необятные бурятские степи, то гневная и сильная, она увлекла слушателей, подхватила их на свои песенные крылья и увнесла в дру-

гой, сказочный мир, где жил и боролся храбрый Шано-Батор.

...Уже давно кончилась песня, а в купе было тихо. Только вздрагивал на стыках вагон, да за окном бушевал ветер. Андрей Иванович взял певца за руку и заглянул ему в глаза:

— Где вы научились так петь?

Николай Васильевич улыбнулся: долгая история, стоит ли рассказывать?

* * *

...Ранней весной, когда не сошли еще с сопки снега, по разбитому тракту брели два мальчика. Останавливались иногда, присаживались на краю дороги, и Коля Таров доставал из-за пазухи краюшку черствого хлеба.

— Чаю бы, — мечтательно говорил Егор Аленов и вздыхал, как человек, проживший долгую, трудную жизнь. Потом, запахнувшись в рваные шубенки, ребята шли дальше.

Улусы встречались редко, и везде друзьям отказывали в работе. На третий день пришли ребята в Малый Бахтай и сразу — к местному богатому Бартасову: не надо ли батраков?

Бартасов оглядел ребят, смеется: — тоже мне, работники! Сколько вам лет, паршавцы?

— По четырнадцати нам, — ответил Николай Таров и рассердился: — да вы не смеетесь — мы всякую работу знаем. Я вот у Ажеева в улусе Сухо-Улей два года батрачил, у Дарбеева три года батрачил... всю черную работу делал. Да и Егор вот тоже ко всякому делу приучен...

Смеется Бартасов: — ну ладно! Работников из вас не получится, так ежнами будете. Заходите в дом...

Ласков на слова кулак Бартасов...

Целый год прожили Николай и Егор у Бартасова — ой, и долгим оказался

этот год ребятам! Вся самая тяжелая работа легла на их плечи. С утра до поздней ночи не видели они свободной минуты. Руки болели, ноги болели, спины не разогнуть.

Кончился год, и опять пошли друзья искать счастья. Побывали в Нукуте, Ольтернике, Матагане, Ендоне. В Черемхово пытались поступить рабочими в шахту.

Бежали дни и недели, а работы не было. Когда Коля Таров разменял последний рубль, друзья вышли на дорогу, разделили по-братски ломоть хлеба, обнялись на прощанье и разошлись в разные стороны. Николай вернулся в улус Матаган. Было это в 1920 году...

Встретил он учителя Арсентия Филиппова, показал ему свои крепкие руки и спросил:

— Видишь эти руки, учитель? Где найти им работу?

Усадил учитель рядом с собой парня, потрепал его по плечу: — эх, ты, молодая горячая кровь! Не тужи — будет работа.

В улусе в это время создавалась комячейка — нужно было обеспечить продразверстку, собрать у кулаков хлебные излишки и сдать государству. Николай получил у Арсентия Филиппова винтовку и пошел с кулацким двором отбирать хлеб.

По-иному повернулась судьба бурятского парня: он с радостью ухватился за новую жизнь, стал активистом комячейки и горе было кулакам, которые вздумали было прятать хлеб — очень уж хорошо знал Николай их повадки!

Арсентий Филиппов оседлал коня и уехал в центр — утверждать списки комячейки.

В пути случилась с учителем беда: ночью в степи настигли Филиппова

бандиты — кулачье, сынки кулацкие, да унгерновские молодчики, что таились с обрезками по амбарам, да в перелесках. Раздели Арсентия до гола, привязали к луке и повели за собой — в морозную сибирскую ночь. Били, истязали, выпытывали партийную тайну — кто коммунисты в улусе. Не сказал Филиппов, не выдал товарищей. Через несколько дней нашли крестьяне у дороги его замерзший труп.

А списки. Списки попали к бандитам. Через несколько дней в улусе Орлок был праздник — две тысячи гостей съехались в улус Орлок. И вот, вечером, когда молодежь затеяла ехор, окружили улус бандиты — пятьсот вооруженных всалников. Один из приближенных атамана Донского, не слезая с коня, начал грозить расправой: выдайте коммунистов! Толпа молчала. Тогда он вынул из кармана список, отнятый у Арсентия Филиппова и вызвал по фамилии: — Николаев, Холтанов — всего восемь человек. Николай почувствовал, как холодные капли выступили у него на лбу. Бандит оглядел толпу: — есть еще один большевик — его зовут Николай. Только фамилию не знаю. Выдайте его — ничего больше не тронем...

Наступил вечер. Бандиты стягивали кольцо. Захлебываясь от злости, бандитский вожак хрипел и брызгал слюной: — выдайте большевика!

Когда стало совсем темно, бандиты разложили два костра и поочередно подзывали к огню всех мужчин — допрашивали, заглядывали в лицо. Исканли Николая Тарова. Он полошел к бандитам с высоко поднятой головой: смотрите, узнавайте, гады...

Не узнали

...С каждым днем все наглее и откровеннее становилось кулачье. Крестьянская беднота организовала отряды по борьбе с бандитизмом. Николай записался в отряд Леонова.

Целый год метался отряд по сопкам

и падам, выслеживая бандитские шайки. В горячих перестрелках, в рукопашных схватках с врагами, учился Николай Таров мужеству и верности своему народу.

Привык Николай к седлу, к боевой походной жизни. И работа председателя сельсовета показалась скучной и неинтересной. Николай ушел добровольцем в Красную Армию. Многим обязан Таров Красной Армии — она привила ему любовь к искусству и горячую жажду знаний. Там, в красноармейском клубе, Николай впервые вышел на сцену — пел родные бурят-монгольские песни, играл в драмкружке.

— Талант у парня, — радовались бойцы и командиры.

Прошло несколько лет, и бывший батрак Колька Таров стал профессиональным артистом. Кажется, что было это совсем недавно: четырнадцать эитузиастов — Таров, Цыденжапов, Шамбуева, Ильин и другие — ходили пешком по родной Бурят-Монголии, пели песни, ставили инсценировки в заброшенных, далеких улусах. В зимнюю стужу и в летний зной пробиралась по бездорожью веселая жизнерадостная молодежь. И всюду артисты были желанными гостями. Эх, хорошее было время!

Было это в 1929 году. Однажды когда труппа по договору с Дорпрофсоюзом обслуживала Забайкальских железнодорожников, пришло сообщение о конфликте на КВЖД. А через несколько дней артисты уже были у бойцов-защитников родины...

Николай Васильевич пошел к окну: золотые искры от паровоза чертили темное зимнее небо. Он помолчал, и продолжал рассказ:

— Прошло еще десять лет. В эти годы Николай был оторван от театра — работал по заданию партии, учился в Правовой академии. Он всегда мечтал

о сцене, но никому не говорил об этом — стыдился...

В 1940 году началась подготовка к декаде бурят-монгольского искусства в Москве и Николай вернулся на сцену.

Долгие годы живут люди, добиваясь осуществления своей мечты. Но случается и так, что жизнь превосходит мечту: после окончания декады, Николай, в числе других, был приглашен в Кремль.

— Простите, — перебил Николая Васильевича старичок-учитель, — Николай Таров — это вы?

— Я, — улыбнулся рассказчик.

— Я — в прошлом батрак, полуграмотный бурятский парень пришел в Георгиевский зал Кремля. Я одел национальный костюм и вышел на сцену. Совсем близко, в нескольких шагах от меня, в зале сидел Сталин. Он заметил, что я волнуюсь и сделал мне знак рукой: успокойся, мол, не надо волноваться, Таров. И я сразу стал спокоен. Я смотрел на Сталина и пел народную песню о храбром и верном Шано-Баторе. Я пел песню и каждая мышца моя, каждый кусочек моего существа пел радостную песню любви к вождю. Я смотрел на него и сердце мое рвалось к нему, и я был горд за себя, за своих сверстников, за свой народ, которому выпало такое невиданное, такое большое счастье...

Правительство наградило меня орденом Трудового Красного знамени и присвоило мне звание заслуженного артиста РСФСР. Я буду много работать, чертовски много работать, чтобы оправдать эту честь...

— Вот как я учился петь, дорогой Андрей Иванович, — просто сказал Таров.

...Проводник принес чай. Андрей Иванович достал из чемодана баночку вишневого варенья и ласково предложил отведать.

Поезд шел на восток.

Мих. СТЕПАНОВ.